

³⁶ См.: *Даль В. И.* Толковый словарь... Т. 1. С. 9; Персонажи славянской мифологии / Сост. А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. Киев, 1993. С. 7.

³⁷ Ср.: *Даль В. И.* Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб.; М., 1898. Т. 10. С. 300, 336—337; Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. Репринт. воспроизв. изд. 1880 г. М., 1990. С. 245—248; *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 32—43, 64—67, 76—85.

³⁸ Видимо, с целью создания подобного эффекта Пушкин специально вычленил из произведений русских авторов различные подражания иноязычным образцам, а затем демонстративно воспроизвел их в «Руслане и Людмиле».

³⁹ Ср.: *Гозенпуд А. А.* Русский оперный театр XIX века. С. 273; *Кошелев В. А.* Первая книга Пушкина. С. 155—158.

Е. А. Андрущенко

(Харьков, Украина)

СТАТЬЯ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ПУШКИН» В ТЕЗИСАХ В. Д. СПАСОВИЧА И ПОМЕТАХ Н. О. ЛЕРНЕРА

В основу данного сообщения положены архивные находки, которые еще не были предметом изучения и не публиковались.

Статья Мережковского «Пушкин» впервые печаталась в составленном П. Перцовым сборнике «Философские течения русской поэзии» в 1896 г., а затем вошла в сборник «Вечные спутники» (1897). О своеобразии этой статьи, о вкладе Мережковского в создание образа, по выражению З. Минц, «символистского» Пушкина, а также об откликах на нее сказано много. Однако вне поля зрения исследователей остаются неопубликованные отклики на эту статью, в том числе тезисы В. Д. Спасовича к лекции о «Вечных спутниках» и пометы Н. О. Лернера на страницах отдельного издания статьи «Пушкин».

Тезисы Спасовича хранятся в архиве П. И. Вейнберга¹ в Пушкинском Доме вместе с его письмами. На документе есть помета, сделанная рукой Спасовича: «Тезисы мои для беседы о „Вечных спутниках“ — тезисы к лекции о Мережковском». Эта помета дает возможность приблизительно датировать документ. Сборник «Вечные спутники», в состав которого была включена статья «Пушкин», впервые вышел в свет в 1897 г. Была ли Спасовичем прочитана лекция, установить не удалось. Однако в летних номерах журнала «Вестник Европы» им была помещена рецензия на сборник, датированная 11 апреля того же года, содержание которой тесно связано с его тезисами. Это дает основание приблизительно датировать документ январем—апрелем 1897 г.

Размышления Спасовича о статье «Пушкин» обусловлены общим неприятием субъективно-художественного метода Мережковского, его

религиозно-философских идей и попыткой переосмысления истории мировой культуры. Из семи тезисов три посвящены полемике с Мережковским о структуре его сборника, о предназначении критики, а также характеристике таланта Мережковского в целом. По словам Спасовича, в нем соединены «язычник эллинского пошиба, проникнутый аристократизмом», и «сердобольный христианин первых веков, одинаково восхищающийся несогласимыми субъектами, например Кальдероном и Достоевским»; «он старается помирить язычество с христианством посредством вывода о необходимости возврата культуры к первобытному праздному состоянию». Вместе с тем Мережковский «не намерен опроститься подобно Льву Толстому» и «остается только фрондирующим анархистом, завербованным под знамя Ибсена» и т. д.

Однако главное обвинение Спасовича состояло в том, что Мережковский неверно понял и оценил Пушкина. Он «выводит Пушкина в некогда небывалого гения», — пишет Спасович. Опираясь на «Записки» А. О. Смирновой, «не отделив в них исторического взгляда от сказочного», Мережковский поднял Пушкина «на мировую высоту», хотя оснований для этого у него не было. В связи с этим тезисом, Спасович развивает идею, что переработанные дочерью А. О. Смирновой «Записки» исказили подлинный облик великого поэта: «Слова, суждения и речи не только не напоминают его манеру, но очевидно придуманы, даже пошловаты. Пушкин в записках умален. Император Николай низведен также с высоты и представлен буржуазным добряком. Неверность интимных отношений императора к Пушкину по запискам».

Верноподданнические чувства еще яснее выражены в рецензии Спасовича: император Николай «низведен с его высокого пьедестала. Он нам не импонирует своим холодным суровым величием».

Образ Пушкина, созданный Мережковским, который, как известно видел в поэте «великое гармоническое явление», неприемлем для Спасовича еще и потому, что он получился «неизменно лучезарный, не затемняемый никогда никакими тучами бог Аполлон, расточающий кругом только жизнерадостность и веселье». Задача, которую ставил перед собой Мережковский и для решения которой использовал Пушкина, представляется Спасовичу весьма спорной: «Если бы оправдалось то, что он предполагает, то пришлось бы перестроить всю историю русской литературы в XIX столетии, т. е. с того момента, когда она перестала просто подражать. По мнению г. Мережковского, Пушкин был не столько совершитель, сколько начинатель русского просвещения. Поэт „недовершенных замыслов“, он закладывал фундамент во всех родах поэтического творчества, рубил просеки, мостил дороги и был нечто вроде литературного Петра Великого; «он сочиняет своего Пушкина по своему вкусу, по своему подобию». Этому высказыванию в рецензии соответствует седьмой тезис Спасовича: «Мережковский изобразил Пушкина не настоящего, а по своему образцу выкроенного».

Были ли критические суждения Спасовича обоснованны? Действительно ли «Записки» Смирновой в редакции, проведенной ее дочерью, существенно отличались от тех впечатлений, которые современница фиксировала в своих дневниках, и не могли быть достоверным источником? Анализ выверенного текста «Записок» Смирновой, изданных уже в советское время, и тех фрагментов, которые цитировал Мережковский в своей статье, показывает, что в данном случае расхождения несущественны.

Вместе с тем характер введения Мережковским в свой текст «чужого» текста подчинялся тем общим законам, которые сложились в символистской критике. Мережковскому было свойственно вырывать цитаты из контекста, цитировать по памяти, нередко искажая цитату, отождествлять лирического героя и поэта, подчинять цитируемый текст своим задачам и пр. Таким образом, используя «Записки» Смирновой как источник, он, скорее, сделал их предлогом для создания собственного образа Пушкина и в этом проявился, в первую очередь, как художник. Эта особенность вообще свойственна литературно-критическим статьям Мережковского, но так выпукло она проявилась, прежде всего, в статье о Пушкине.

Пометы Н. О. Лернера сохранились на издании статьи «Пушкин»². На титульном листе прикреплены отдельные листки — своего рода небольшая библиография откликов на статьи Мережковского: рецензии Б. Никольского, Д. Овсяннико-Куликовского и статья М. Меншикова «Клевета обожания». Рядом с ними — выходные данные статьи самого Мережковского «Праздник Пушкина» (1899), в которой дана резкая оценка юбилейных торжеств по случаю столетия поэта. Кстати, именно в этой статье Мережковский ответил Спасовичу на его рецензию. Он писал: «Вчера Спасович доказывал, что свидетельства современников о мудрости Пушкина — ни на чем не основанная легенда, что у него — поверхностный, заурядный ум, неспособный дать его поэзии значение всемирное». К его голосу присоединились такие разные люди, как В. Соловьев и Л. Толстой, осуждавшие Пушкина за его легкомысленность. И только в юбилейные дни оказалось, что вельдые Сувориным русские люди хотят воздать Пушкину невероятные почести: «колокольный звон, русские флаги, пушечная стрельба, и сорок тысяч министерских бюстов, и суета академий, и пушкинские велосипедные гонки, и пушкинский шоколад, и лото или карты — „смерть Пушкина“ и рождение Пушкина с облаками, амурами, громами и молниями».

Пометы на экземпляре статьи Мережковского «Пушкин» были сделаны Лернером, очевидно, в период его работы над комментариями к «Сочинениям» поэта (под ред. С. А. Венгерова), которые начали выходить в свет в 1907 г. Об этом свидетельствует не только год издания статьи, на которой сохранились пометы, но и характер отмеченных Лернером фрагментов. Его интерес к тексту Мережковского, прежде всего, комментаторский: карандашом выделены все цитируемые

пушкинские стихотворные тексты, их названия, характеристика его таланта, цитаты из «Записок» Смирновой и пр. Так, Лернер подчеркивает слова «Пушкин великий мыслитель, мудрец», муза Пушкина — «мудрее мудрых», «наиболее совершенные создания Пушкина не дают полной меры его сил», «Пушкин был не столько совершителем, сколько начинателем русского просвещения», «русское возвращение к природе — русский бунт против культуры — первый выразил Пушкин, величайший гений культуры среди наших писателей» и др. Особенно интересными для Лернера оказались размышления Мережковского о традициях, заложенных Пушкиным и развитых впоследствии в творчестве Лермонтова, Гончарова, Тургенева и Толстого. Он отчеркивает такой фрагмент: «Пушкин „Евгением Онегиным“ очертил горизонт русской литературы, и все последующие писатели должны были двигаться и развиваться в пределах этого горизонта». Такой же интересной показалась ему мысль об ошибочности сопоставления Пушкина не с Гете, а с Байроном. Лернер отмечает целую страницу, посвященную этой теме.

Нельзя утверждать, что Лернер был единомышленником Мережковского в его оценке Пушкина. Как известно, круг его интересов составляли, прежде всего, биографические факты, и своеобразный взгляд Мережковского вряд ли был ему близок. Вместе с тем фрагментов, отмеченных как заслуживающих внимания, значительно больше, чем вызвавших сомнения и вопросы Лернера. Так, знак вопроса поставлен на полях около фрагмента анализа «Подражаний Корану»: «Какие нежные черты целомудренного и гордого великодушия! Христианское милосердие не даром включено в героическую мудрость пророка. Для него милосердие — щедрость безмерно богатых сердец», а также у фрагмента, посвященного стихотворению «Мирская власть». Сомнения вызвала у Лернера и параллель, проводимая Мережковским между Пушкиным и Петром Великим.

Лернер не комментирует текст Мережковского. Его многочисленные пометы сводятся к подчеркиваниям в тексте и выделением фрагментов текста на полях. Лишь в одном месте, где Мережковский анализирует «Медный всадник», Лернер подчеркивает: «На высоте, уздой железной / Россию вздернул на дыбы» и помечает на полях: «И теперь узда ослабела».

В рамках небольшого сообщения мы не стремились охарактеризовать новонайденные материалы с исчерпывающей полнотой. Более подробный их анализ в контексте полемики о Пушкине на рубеже веков проведен нами в комментариях к публикации сборника «Вечные спутники» в серии «Литературные памятники».

Примечания

¹ РО ИРЛИ, Ф. 62. Оп. 3. № 443.

² Мережковский Д. С. Вечные спутники: Пушкин. 3-е изд. СПб., 1906.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003